

И.А. Голосенко

КОНСТАНТИН ТАХТАРЕВ КАК ИСТОРИК СОЦИОЛОГИИ

В конце 1920-х годов, завершая свое исследование истории социологии в России, Н. Кареев придумал любопытное обозначение — «русская традиция истории социологических учений». Эта традиция действительно существовала и объединяла усилия многих историков социологии, среди которых, наряду с самим Кареевым, обнаруживается М. Ковалевский, П. Сорокин, Н. Тимашев, В. Хвостов и другие. Своеобразное место в этой когорте замечательных имен занимал Константин Михайлович Тахтарев (1871–1925).

Социологией Тахтарев решил заниматься под влиянием личных бесед с П. Лавровым, М. Ковалевским и Е. Де Роберти в самом конце 90-х гг. XIX века. Он в это время пребывал в Париже в качестве политического эмигранта. Профессиональное обучение социологии было получено* им частично в Новом брюссельском университете и частично в Русской высшей школе общественных наук в Париже. В последней он с весеннего семестра 1903 по 1906 г. сам стал читать цикл лекций по генетической социологии. После запрета царским правительством школы и открытия в 1908 году сходного учреждения в России — в виде Психоневрологического института, он поступает, как и П. Сорокин, ассистентом на кафедру социологии под руководство своих добрых парижских знакомых — Е. Де Роберти и М. Ковалевского [1, с. 166–167]. Тахтарев полагал, что полученные результаты в социологических исследованиях, их систематизация в

Голосенко Игорь Анатольевич (р. 1938) — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН (С.-Петербург).

Адрес: 198052, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14.

Тел.: (812) 316-3270. Факс: (812) 316-2929.

E-mail: mso@ego.spb.su

историческом плане и преподавание в высшей школе — взаимосвязанные задачи. Вот почему наряду с интенсивным написанием ряда книг, которые были опубликованы в первом десятилетии XX века, он усиленно преподает общую и генетическую социологию: в 1911 г. на Высших курсах П.Ф. Лесгафта, с 1917 г. в Кооперативном институте, после октябрьской революции в Петроградском университете, куда была переведена кафедра социологии Психологического института. Весной 1916 г. было создано Русское Социологическое Общество им. М.М. Ковалевского, объединившие в своих рядах цвет столичной научной интеллигенции. Один из учредителей общества профессор С.К. Гогель в письме к академику А.С. Лаппо-Данилевскому предлагал на первом же заседании без обвиняков объявить, что у нас нет ни одного «ученого всецело посвятившего себя социологии» [Архив Российской Академии Наук. Ф. 113. Оп. в. Ед. хр. 225. Л. 38]. Однако таковые нашлись. На первом собрании Тахтарев и Сорокин были единодушно избраны членами бюро и помощниками председателя общества А.С. Лаппо-Данилевского. Выбор был не случаен и не только потому, что оба были учениками Ковалевского и долгие годы его знали. Как справедливо заметил Н.И. Кареев, два молодых социолога начала XX века были первыми «профессиональными преподавателями социологии» в России, так как они сознательно поставили себе цель — специализироваться в данной науке, а не делать ее добавочным предметом к иным занятиям, как обычно поступали другие русские специалисты, являясь в первую очередь — юристами, историками, экономистами или философами. Для выполнения этой цели К. Тахтарев и П. Сорокин сосредоточили свои усилия на одном предмете и стали надлежащим образом следить за чрезвычайно богатой социологической литературой Западной Европы и особенно Америки [2, с. 262–262].

Это привело каждого из них к углубленному изучению проблем истории социологии. В 1910 г. в журнале «Современный мир» в 8, 10 и 12 номерах Тахтарев опубликовал очерки «Главнейшие направления в развитии социологии», где изложил понимание им задач и целей истории социологии, ее настоящего и будущего состояния. Готовилось отдельное и основательно расширенное издание этих очерков, но события военного и революционного времени перечеркнули эти замыслы, иначе мы бы имели более полное и систематизированное изложение его историко-социологической концепции. Но и вышедшие в свет 1916–1919 гг. книги по общей социологии имели исторические разделы, что дает возможность реконструировать основные фрагменты концепции. Одну из этих книг, опубликованную под необычайно, длинным названием (Тахтарев чурался кратких заголовков и питал пристрастие к помещению в него чуть ли не всего оглавления книги) — «Социология, ее краткая история, научное значение, основные задачи, система и методы» (1918) он уважительно посвятил «своим ученикам», слушателям его лекций в Психоневрологическом институте, на Высших курсах П.Ф. Лесгафта и в Кооперативном институте. Последнее учебное заведение обеспечило первое издание этой книги и ее переиздание. Он так же признавался, что его главная работа (опять с длиннющим заголовком!) «Наука об общественной жизни, ее

явлениях, их соотношениях и закономерности. Опыт изучения общественной жизни и построения социологии» (1919) была написана для «русской учащейся молодежи», вероятно имея в виду своих студентов Петроградского университета. Отмечу еще раз: в жизни Тахтарева, как и всех других представителей «русской традиции» истории социологии, преподавание и научная деятельность тесно переплетались и взаимодополняли друг друга.

I. Историко-социологическая концепция К.М. Тахтарева

Специфика любой социальной науки, в том числе и социологии, полагал Тахтарев, определяется либо через ее предмет и методы изучения его, либо через ее историю. В частности, изучение и систематизация современных проблем социологии немыслимы без предварительного знакомства с их эволюцией. В ряде работ он выдвигал и защищал следующее положение — работы по истории социологии должны нести тройную функциональную нагрузку: ретроспективную, прогнозирующую и учебно-образовательную. Все эти функции следует рассмотреть отдельно друг от друга и подробнее. -

1. Ретроспективная функция истории социологии. Речь идет об идейном наследии, о предшественниках, о «живом и мертвом» в их вкладе. В начале XX века подавляющее большинство социологов и тех, кто считал себя таковыми, объявляли зачинателями социологической науки одного из двух мыслителей XIX века — либо О. Конта, либо К. Маркса. Тахтарев в специальной большой статье «Основные идеи социологов. Конт и Маркс» (1914) критически проанализировал их усилия, совпадения и радикальные отличия их мировоззренческих позиций. И хотя имя Г. Спенсера не было вынесено в заголовок статьи, заключительный раздел ее был посвящен ему. Находя множество ценных положений и гипотез у всех трех классиков, Тахтарев не считал их теории абсолютной истиной [3, с. 1–2].

Что же касается вопроса о возникновении или начале социологической науки, то Тахтарев занимал здесь позицию совершенно необычайную для подавляющего большинства современных ему социологов. Он правильно указывал на то, что вопрос о начале науки тесно связан с тем, что именно следует понимать под ней, и сам так отвечал на этот вопрос: «Социология есть наука, которая изучает общественную жизнь, ее явления и закономерность». И понимаемая таким образом социология, конечно, ведет свое начало от Аристотеля, истинного родоначальника общетеоретического обществоведения. «Политика» Аристотеля есть гениальное произведение «не только политической, но и социологической мысли» [4, с. 3]. История социологии в последующие века носила пульсирующий характер, она то исчезала с культурной сцены, то вновь появлялась на ней. И лишь в эпоху Возрождения появляется мыслитель, в трудах которого «заключается немало замечательных социологических мыслей и обобщений» [4, с. 6], имя которого Н. Макиавелли. Постепенно мысль о закономерности явлений общественной жизни захватывает воображение ученых, особенно ярко это проявляется в массовых наблюдениях английских

так называемых «политических арифметиков» XVII века (Дж. Граунт, У. Петти и другие), усвоивших индуктивный метод Ф. Бэкона и попытавшихся применить его к изучению и количественному описанию общественной жизни.

В XVIII веке мысль о повторяемости и необходимости корреляции общественных явлений и процессов увлекает большую группу европейских мыслителей — Д. Вико, Ш. Монтескье, А. Смита, А. Тюрго, М. Кондорсе, Т. Мальтуса и К. де Сен-Симона. Это привело к тому, что в следующем веке история социологии перестает носить пульсирующий характер, и социология окончательно превращается в самостоятельную науку. Большая роль в этом деле, конечно, принадлежит О. Конту, считал Тахтарев, но не ему одному. Конт умело соединил идеи предшественников XVIII века и, опираясь на сравнительно-исторический метод, создал обширную программу социологии, прямо объявив ее целью поиск законов социальной статистики и динамики. По заветам этой программы работало большинство социологов XIX и начала XX веков, во всем мире. Таким образом, Конт выступает, по мнению Тахтарева, родоначальником не социологии вообще, а только ее одного исторического вида, так называемой «новейшей социологии» и не в большей степени, чем А. Кетле, К. Маркс или Г. Спенсер [4, с. 7–8].

В этой «новейшей социологии» он выделил шесть основных направлений или теоретических школ: 1) ранний позитивизм О. Конта и его учеников; 2) органицизм — Г. Спенсер, П. Лилиенфельд и с некоторыми оговорками — А. Эспинас, Г. Летурно, Р. Вормс, А. Шеффле. Иногда он это направление несколько неудачно называл «эволюционной социологической школой». Неудачно, так как многие сторонники других направлений, даже враждебные позитивизму и органицизму, были эволюционистами; 3) социальный дарвинизм (Б. Кидд, Л. Гумилович, Я. Новиков); 4) историко-экономическое направление, или исторический экономизм (К. Маркс, Ф. Энгельс и их многочисленные сторонники как догматического, так и ревизионистского толка); 5) психологическая школа в социологии (Г. Тард, Л. Уорд, Н. Кареев, Н. Михайловский и другие); 6) статистико-социологическое направление (А. Кетле, Ф. Ае-Пле и его ученики, а также Ч. Бутс, П. Де Рузье, Р. Майо-Смит и другие) [5, гл. I].

Первые пять направлений были основательно описаны в нашей литературе еще до Тахтарева, в частности, в работах Н. Кареева, М. Ковалевского, С. Гильперина и других историков социологии, но в описании шестой школы он был пионером, что с удовлетворением отметили некоторые наблюдатели процесса становления социологической науки в России. Тахтарев считал, что описание «статистико-социологической школы», наиболее обширное в сравнении с другими школами, вышло у него и наиболее интересным [6, с. 105]. На этом описании есть резон остановиться более подробно, ибо оно отражает центральную линию его историко-социологической концепции.

«Возможность выражать правильность различных явлений общественной жизни в точных цифрах, — писал Тахтарев, — была открыта англичанином Джоном Граунтом, которого <...> можно назвать Колумбом об-

ществознания» [5, с. 394]. Изучая по данным Лондона годовые колебания числа рождений вообще, их дифференциацию по полам, он вышел в 1662 г. на тенденцию возрастания и уменьшения городского населения, явную повторяемость числа самоубийств и психических заболеваний. Граунт представил расчеты научной элите в недавно открытое Научное королевское общество. Но прагматики в лице страховых обществ более оперативно и верно оценили его разработки и вычисления. Открытая Граунтом возможность, по мнению Тахтарева, была блестяще подтверждена его младшими современниками и соотечественниками В. Петти и Э. Галлеем.*

Поиски закономерностей общественной жизни, выражающиеся в больших числах правильно повторяющихся явлений, увлекли Я. Бернулли, И. Зюссмиха и позднее А. Кетле, который исправил многие неизбежные погрешности своих предшественников. Он же сделал значительный шаг вперед, приблизив статистику к социологии. Получив какие-либо данные, например, среднюю рождаемость в городах (что само по себе еще не имеет социологического значения) он стал сравнивать их с другими данными — числом браков, образом жизни супругов, их занятиями, доходами — и в итоге получал выводы, имеющие вполне социологическое, а не чисто статистическое значение. Именно так стали работать последующие поколения социальных статистиков конца XIX и начала XX веков — Г. Майр, Н. Рейхесберг, Р. Майо-Смит, А. Чупров, А. Кауфман и многие другие.

Оценивая их подходы, Тахтарев справедливо обратил внимание на одну междисциплинарную опасность. «Статистический метод массового наблюдения явлений и численного их измерения и индуктивные методы выяснения действительного соотношения различных социальных явлений дают статистикам полную возможность и право говорить об устанавливаемых ими статистических законах общественной жизни» [5, с. 407]. Некоторые статистики, пользуясь этим правом, стали объявлять социологию «наукой второй степени», своего рода добавлением к статистике. Тахтарев упоминает мнение известного немецкого статистика Г. Майра [7, с. 23]. Но мне попадались сходные рассуждения и отечественных авторов [8, с. 30–31]. Подобные претензии; по мнению Тахтарева, являются негативными личными амбициями, нежеланием признать служебную роль статистики по отношению как к естествознанию, так и общественным наукам. Здесь он присоединяется к мнению ряда уважаемых имен: в России — к А. Кауфману и А. Чупрову, в США — к Р. Майо-Смиту, К. Райту и другим.

В общем, исторический обзор разных школ у Тахтарева, а «также защита объективной закономерности в социологии при помощи анализа сущности закона в естествознании, — писала Л.И. Аксельрод (Ортодокс), — сделаны им с большой ясностью и живостью, без мнимой научности,

*Отметим, что некоторые социологи (напр., Г. де Грееф) совершенно ошибочно считали, что под именами Дж. Граунта и В. Петти скрывался один и тот же автор. Тахтарев категорически выступил против этого заблуждения. Петти, создатель термина «политическая арифметика», был младшим современником Дж. Граунта.

которая обычно встречается в большинстве книжек по социологии». К положительным чертам историко-социологических рассуждений Тахтарева марксистский критик относил и его аргументацию в пользу необходимости социологических экспериментов, как своеобразной черты новейшей социологии [6, с. 105].

Наряду с перечисленными выше основными направлениями в социологии, Тахтарев выделяет ряд школ и теорий мелкого калибра, своеобразных спутников крупных школ: антропо-географическую (Ж. Лапуж, О. Аммон и другие), научно-историческую (П. Лакомб), сравнительно-историческую (М. Ковалевский), био-социальную или неопозитивистскую (Е. Де Роберти, Д. Драгическо, Ж. Изуле-Аубатьер, А. Эспинос) и всякого рода «смешанные направления», пытающиеся эклектически комбинировать идеи, постулаты, выводы предыдущих основных школ, особенно органицизма, психологизма и исторического материализма (А. Фуллье, Ф. Гиддингс, Г. де Грееф и другие).

При знакомстве с историей социологии по Тахтареву встает вопрос: по какому критерию отбирались направления и персоналии? «Судя по всему, — заметила на этот счет Л.И. Аксельрод, — К. Тахтарев по своему философскому миросозерцанию позитивист. Поэтому, вероятно, в его историческом очерке развития социологии <...> выступают исключительно представители позитивистского направления. Такое пристрастие к предшественникам современного позитивизма и собственным учителям до известной степени естественно и во всяком случае понятно» [6, с. 106]. Но это же приводит к тому, что антипозитивистскую линию, которая играла важную роль в истории социологии, Тахтарев игнорирует совершенно, и не в пользу, а во вред собственной историко-социологической схеме, ибо существенно обедняет ее. Вероятно, он следовал примеру своего учителя — М.М. Ковалевского. Сам же он объяснял свои предпочтения так: «меня интересуют социологи, верящие в существование общественных законов и ищущие их», а социологов, сомневающихся в их наличии, он презрительно называл «научными нигилистами» и отказывал им в анализе. Критики и комментаторы его книг полагали, что внимательное и вдумчивое отношение к антипозитивистской ценностной интерпретации общественной жизни избавило бы его схемы от эклектизма, особенно в определении основ и корней социологии, лежавших, с его точки зрения, в антропологии и человеческих потребностях, которые именно она изучает.

2. Прогнозирующая функция истории социологии. Несмотря на бесконечные противоречия и конфронтацию новейших теорий друг с другом, история социологии, полагал Тахтарев, доказывает возможность конвергенции. Через эксперименты и методы «численного измерения» можно добиться желаемой унификации социологической теории и сделать реальной ее связи с общественной практикой страны. Он заканчивает уже упоминавшуюся серию историко-социологических очерков важной статьей «Чем должна быть социология», которая интересна предсказанием победы в ближайшее время эмпирически <...> ориентированной социологии, в чем он видел реальную возможность спасения традиционно-

го позитивизма от наступления антипозитивизма в лице неокантианства и исторического материализма [9, с. 206–238].

«Всматриваясь в историю социологии, начиная с самого ее начала и основания, которое бесспорно было заложено еще Аристотелем, мы видим какое-то дробление и растерянность социологической мысли, не сумевшей до сих пор должным образом завершить дело, начатое Аристотелем. Но, кажется, уже приходит время попытаться на основании всех многочисленных имеющихся научных данных описательной, генетической и статистической социологии построить единую систему социологической науки в духе всеобъемлющего научного реализма Аристотеля». Именно история социологии, разъяснял свои надежды Тахтарев, учит, что «каждое социологическое направление включает в себе соответствующую часть истины и в этом отношении как бы служит некоторым дополнением других» [4, с. 1–13]. Подобное же убеждение было общим для М. Ковалевского, П. Сорокина и особенно Н. Тимашева.

Другая обнадеживающая черта — состояние междисциплинарных отношений социологии и конкретных социальных наук: юридической, исторической, политэкономической, этнографической и т.п. Выяснилось, что ученые-теоретики «были принуждены по необходимости превращаться в социологов для лучшего понимания» проблем своих собственных дисциплин. У нас в этом отношении, указывал Тахтарев, поучителен пример правоведа Г. Шершеневича и историка Н. Кареева [3, с. 16–17]. Следует отметить, что фактически все наши социологи XIX и начала XX века, исключая только самого Тахтарева, да и то с оговорками, являли собой подобные примеры.

3. Учебно-образовательная функция истории социологии. Вслед за Н. Кареевым, Тахтарев в книге «Социология как наука о закономерности общественной жизни» сделал обширное библиографическое приложение «Систематический указатель книг по главнейшим социологическим вопросам». Некоторые книги имели краткую аннотацию, особо рекомендованные автором отмечались специальной звездочкой. Так как литература подбиралась по проблемам — общая социология, ее задачи и методы, личность, социальная дифференциация, внутри- и межгрупповые солидарность и конфликты и т.п., то это было полезно для русского читателя, особенно для новичка, на которого, по-видимому, и было рассчитано приложение. Указание на степень разработанности той или иной проблемы могло стимулировать у читателя желание попробовать собственные силы в ее решении.

Впрочем, в отличие от библиографии Н. Кареева, Тахтарев поместил в приложение прежде всего литературу на русском языке, включая переводы и оригинальные сочинения наших социологов. Иностранная литература упоминается всего в четырех местах указателя (всего семь работ), в то время как весь указатель насчитывает более трехсот источников. Сделано это по непонятным причинам, так как он блестяще знал основные европейские языки и следил за новейшей иностранной литературой. Еще более непростительным являются для историка социологии некоторые поспешные и неверные суждения. Так, например, он утверждал, что

«монографии Э. Дюркгейма, М. Гюйо, Г. Нибура и К. Каутского суть едва ли не единственные социологические монографии, удостоившиеся русского перевода» [9, с. 70]. Но в составленном им же списке литературы читатель легко обнаружит переводы К. Маркса, Г. Зиммеля, Л. Уорда, Ф. Гиддингса, Л. Гумпловича и других социологов. Кроме того, в указателе попадаются досадные ошибки. Так, авторство работы Л. Уорда «Психические факторы цивилизации» приписано Г. де Греефу. Это явная ошибка, ибо Тахтарев был лично знаком с бельгийским социологом, два года учился под его руководством и хорошо знал его труды. Но читатель может этого не знать и искать в библиотечных каталогах несуществующую книгу де Греефа. Есть и более серьезные просчеты. Вот в частности явно опрометчивое высказывание — «русская социологическая литература по вопросу о войне можно сказать еще не существует» [10, с. 105]. Как будто не было глубоких и оригинальных работ Н.Н. Головина, А.С. Зыкова, И.С. Блюха, П.А. Сорокина и многих других специалистов. И не случайно именно отечественные исследователи войны и армии придумали сам термин — «военная социология».

Все работы Тахтарева по истории социологии можно рассматривать как подготовительные этюды, как введение к более обширному, систематическому и главному труду «Наука об общественной жизни, ее явлениях, их соотношениях и закономерности», который был им издан в 1919 г. Как многие социологи того времени, он жаловался на произвольность толкования предмета социологии, двусмысленность и неопределенность многих понятий, методологическую неразбериху и поспешные теоретические обобщения. Конец этому должен быть положен принятием «какой-либо определенной системы социологии». Он скромно предлагал свою собственную, признавая впрочем, что она открыта критике, так же как и другие системы тех лет.

Изложение своей системы социологии Тахтарев начинает с методологических установок. «Без естествознания ... правильное понимание общественной жизни вряд ли возможно», их объединяют объективный характер протекания изучаемых вопросов и характер «точных методов исследования явления» [5, с. 28; 55]. Речь идет не о превращении социологии в физику, биологию или химию, а о методологическом сходстве обеих ветвей научного знания, ибо социология призвана быть естественной наукой об общественной жизни, изучающей особый класс явлений, т.е. социальных отношений и действий, таких же естественных, как и все явления мировой жизни. Только устанавливая «точные научные приемы массового наблюдения и исследования социальных явлений, численного их измерения и статистико-социологического выяснения их необходимых отношений», социология может стать «действительно точной общественной наукой» [5, с. 413]. Говоря о методах социологии, Тахтарев разбивал их на два вида. Первый вид составляют методы общие с естествознанием — гипотеза, наблюдение, анализ, сравнение, классификация, теоретическое обобщение, т.е. все то, что составляет элементы гипотетико-дедуктивного приема научной работы. Второй вид включает в свой состав специфические методы, которые применяются только в социоло-

гии, например, сравнительно-эволюционный, защищаемый М. Ковалевским или «метод пережитков», выдвинутый Э. Тейлором и другие.

В петроградском доме ученых было проведено публичное обсуждение исторических и методологических оснований «системы социологии» Тахтарева. Его старинный соратник по науке П. Сорокин, во многом настроенный благосклонно к научным исканиям Тахтарева, поддержал его, но субъективист Н. Кареев выступил против методологического объективизма обсуждаемой программы. Следует рассмотреть претензии Кареева внимательнее, поскольку он был духовным отцом «русской традиции истории социологических учений».

II. Критика Н.И. Кареевым построений К.М. Тахтарева

Когда летом 1916 г. Тахтарев выпустил первую книгу по истории социологии «Социология как наука...», Н. Кареев одним из первых обратил на нее внимание. Его оценки оказались серьезными и ряд замечаний Тахтарев принял, позднее либо отказавшись от некоторых своих суждений, либо более основательно разворачивая аргументацию.

Критические замечания Н. Кареева сводились к трем направлениям: трактовка Тахтаревым закономерности социальных явлений, толкование истории социологии и особенностей социологической методологии. В методологической части он останавливается только на понимании Тахтаревым «социологических экспериментов» и упрекает его в смешении опытной, изобретательской и реформаторской деятельности людей ради тех или иных практических целей (например, аракчеевские военные поселения) с научной экспериментацией в социологии ради подтверждения или опровержения гипотез и открытия законов общественных явлений [И, с. 210]. Основное внимание Н. Кареев уделил двум другим направлениям.

1. О понятии закономерности природного и общественного бытия.

Н. Кареева поразило одно обстоятельство: Тахтарев провозглашал совершенно необычайный тезис о том, что якобы впервые понятие закономерности явлений, возникшее на почве наблюдения и изучения их, появилось именно в области обществоведения и «лишь впоследствии было перенесено в естествознание». Этот тезис неоднократно повторялся Тахтаревым уже в первой его книге, впрочем как и в последующих [10, с. 4; 5; 9; 18].

Между тем, все историки общественной науки доселе думали и думали правильно, добавляет Кареев, что именно «обществоведение взяло из естествознания понятие закона в научном смысле слова» [11, с. 202]. На каком же фактическом основании делал свой вывод Тахтарев? Он исходил из того, что первые конкретные социальные исследования, выводящие на эмпирические статистические закономерности, были предприняты еще в XVII и далее в XVIII веке (английская «политическая арифметика» и французская «моральная статистика»), когда были открыты закономерности в области жизни демографических ансамблей и динамики нравов, т.е. статистические закономерности в общественной жизни стали учеными измеряться и обнаруживаться раньше, чем в природной

среде. И надо сказать, что в этом вопросе Тахтарев был отчасти прав, если забыть о законах бытия в «естественном богословии» Фомы Аквинского. Но он был совсем не прав в другом отношении, ибо считал, что само определение законов общественных явлений мы находим у Ш. Монтескье в его знаменитой работе «Дух законов». Н. Кареев совершенно резонно показывает, что Монтескье под законами общественных явлений понимал созданные человеком правила и нормы «должного» поведения: религиозные заповеди, моральные предписания, юридические законы и т.п., а это принципиально отличается от естественных социальных закономерностей, существующих и действующих вне субъективных желаний, интересов и намерений, подчас вопреки им или неожиданно для них, общее между ними одно — терминологическое созвучие, они называются «законами», но онтологический смысл их — разный [11, с. 203].

Увлеченный путаницей понятий Ш. Монтескье, Тахтарев и сам отдает ей дань. Законосообразность в мире природных и общественных явлений заключается (и он это неоднократно говорил) в повторяемости одних и тех же следствий при действии одних и тех же причин и их необходимых соотношениях. Но он совершенно незаконно сближает эту повторяемость в «должном» и «сущем», безнадежно путает категории бытия и долженствования. И тогда «бесконечное количество раз повторяющееся печение куличей к Пасхе, — издевательски замечал Кареев, — как будто получает что-то от природы социологического закона» [11, с. 204].

2. Прошлое, настоящее и будущее состояние социологии. Книга Тахтарева «Наука об общественной жизни...» носила комплексный характер. Ее автор ставил себе задачу «свести в одно стройное целое все то, чему его научил долгий научный опыт, многолетнее изучение им общественной жизни и занятие социологией» [5, с. 3–4]. В книге есть большой пласт материалов по истории социологии, каждая глава и темы, обсуждаемые в них, имеют как бы приложение по старой и новейшей литературе, содержат массу исторических справок о социологах, теориях и направлениях. Некоторые из них являлись новинкой для русских читателей. Был там и набросок социологии будущего. Не отрицая напрочь эволюционные подходы, Тахтарев предлагал считать самым главным методом социологии функциональный (или «соотносительный», по его собственным словам) метод, который в сочетании с математическими приемами сбора и обработки исходного материала позволяет открывать эмпирические законы, а не волшебные формулы предшествующей социологии. Новая социология должна превратиться в социальную естественную науку на своей «собственной, чисто социологической основе», не сводимой к биологическому, демографическому, психологическому и прочему редукционизму [5, с. 29; 55]. Во всех своих работах Тахтарев определял социологию как «науку о закономерностях общественной жизни». Формула эта, по справедливому мнению Кареева, неполна и неконкретна, ибо общественную жизнь помимо социологии изучают все другие социальные науки, а так как эта жизнь протекает закономерно, то все эти науки изучают те или иные ее закономерности. Таким образом, Тахтарев не показывает специфического места социологии в ансамбле соци-

огуманитарных наук. Но, что особенно смущало Н. Кареева, так это донельзя расширительное толкование понятия «общественной жизни», которая сводилась Тахтаревым к любому коллективному «сожитию», «существованию» [10, с. 43]. Поэтому, в духе модного в те годы неопозитивистского сциентизма, появлялись «зоо-социология» или «фито-социология», изучающие такие «общества», как стаи рыб, стадо копытных или лесные массивы. Кстати, о полезности таких «социологий» и П. Сорокин настаивал в начале 20-х годов в книге «Система социологии». Для психологиста Н. Кареева были совершенно неприемлемы «общества» без психологической составляющей. Впрочем он отмечал, что все внимание Тахтарева сосредоточено на «социологии человека» или «хомо-социологии».

Далее критик указывал на ряд малообоснованных и даже ошибочных положений в исторической схеме Тахтарева, который признавал, что «первая попытка» создания социологии в новейшее время была сделана О. Контом и А. Кетле, но их научные труды остались двумя отделенными друг от друга постройками, которые надо было бы критически соединить в одно целое, забрав у одного принцип эволюции, а у другого — принципы статистики и функционализма [10, с. 25; 31–32]. Только слияние этих подходов должно было породить методологически зрелую социологию, которая, однако, пошла по пути ложного конструирования новых и новых построек, так что вместо одного добротного дома перед нами целая деревня плохо сколоченных хижин.

К. Тахтарев в истории социологических теорий обнаруживал генетическую связь О. Конта с Г. Спенсером, что вполне удовлетворяло Н. Кареева, но его изумляло обнаружение сходной связи А. Кетле с К. Марксом, которого Тахтарев называл Ньютоном социальных наук, причем, «до известной степени» [10, с. 35]. Говоря о Тахтареве как историке социологии в целом, Н. Кареев заключает: собранные им материалы носят характер отрывочных и случайных сведений, «не всегда верных, иногда ненужных, с совершенно произвольным упоминанием одних писателей и умалчиванием других. И достает свой главный критический козырь: так о П. Лаврове и Н. Михайловском, «стоящих много выше разных второстепенных социологов, им называемых, нет ни слова. Со стороны русского социолога это прямо непростительно» [11, с. 209].

Последний раз Тахтарев прибег к служебному использованию истории социологии в оставшемся неоконченным труде «Сравнительная история развития человеческого общества и общественных форм» (1924). Первая часть книги открывалась историческим очерком о предшественниках генетической социологии и их вкладе в развитие данной науки, затем рассматривались ее междисциплинарные соотношения с археологией, антропологией, этнологией и исторической наукой, в конце анализировались новейшие направления — школа Ле-Пле, исторический материализм и другие. Затем Тахтарев подробно рассматривает типологию разных обществ от эпохи палеолита до современного индустриального общества. Некоторые разделы, особенно посвященные докапиталистическим обществам, читаются и сегодня с большим интересом.

В заключение следует рассказать о печальных, фактах последних лет жизни К.М. Тахтарева. После увольнения в 1922 г. П. Сорокина с должности заведующего кафедрой социологии факультета общественных наук Петроградского университета Тахтарев, будучи вторым после П. Сорокина доктором социологии в России, возглавил кафедру и, хотя слово социология было удалено из ее названия и заменено новым — «история общественных форм», но курс, читаемый им там, был по генетической социологии. Среди оставшихся в России специалистов по этой дисциплине Тахтарев был, несомненно, лучшим. Казалось, его академическая карьера будет спокойной.

Летом 1924 г. Тахтарев был направлен в научную командировку в Лондон, где ему большую помощь оказал президент Британского социологического общества В. Брэнфорд, снабдивший русского коллегу свежей научной литературой. Ознакомившись с ней, Тахтарев был готов расширить свой лекционный курс и завершить четвертую часть «Сравнительной истории развития человеческого общества и общественных форм». Однако ректор Петроградского университета Н. Державин сообщил профессору социологии Тахтареву о том, что в связи с ликвидацией читаемых им курсов в соответствии с «распоряжением Уполномоченного Наркомпроса», он освобождается от преподавания в университете с 30 сентября сего года [12]. Так Тахтарев, который неоднократно указывал на необходимость профессионального преподавания социологии в России в высших учебных заведениях, был отстранен от преподавания по воле какого-то чиновника от Наркомпроса, который, может быть, и самого слова социология не знал.

В чем же дело, что прервало его профессорскую карьеру? Ведь в отличие от карьеры П. Сорокина она складывалась внешне благополучно, благодаря социал-демократической юности Тахтарева и близкому знакомству с В.И. Лениным. Дело в том, что в 1924 г. Тахтарев опубликовал несколько статей с личными воспоминаниями о рабочем движении в Петербурге 90-х годов XIX века, о втором и третьем съездах русских социал-демократов в начале XX века, участником которых был в качестве приглашенного лица и, главное, о своих впечатлениях о Ленине. Эти заметки были далеки от лакировки вождя, уже набиравшей силу в советской печати, но еще более они были далеки от принижения его роли в деле революции.

Тахтарев писал, что познакомился с В.И. Лениным в 1894 г. на заседаниях столичных рабочих кружков, и в следующем году их знакомство упрочилось. После многочисленных арестов кружковцев их пути разошлись: Ленин отправился в ссылку, а Тахтарев эмигрировал. Постепенно академическая работа в библиотеке Британского музея все более увлекала его и отодвигала политические дела вначале на второй, а позднее совсем на задний план. В следующий раз они встретились в конце зимы 1902 г. в Лондоне, куда Ленин намеревался перенести печатание «Искры». Тахтарев вспоминал, что Ленин в то время не владел разговорным английским языком, и ему пришлось помогать вождю в переговорах о снятии квартиры, мебелировке и об оформлении доступа в библиотеку

Британского музея. Так как они жили рядом, то встречаются почти каждый день и много беседуют. Одно место из лондонских разговоров врезалось в память Тахтареву. Речь шла о П. Струве, которого Ленин публично клеймил на страницах «Искры» как «изменника, ренегата и новейшего Тихомирова».* На вопрос Тахтарева: не подтолкнет ли это каких-либо фанатично настроенных рабочих на физическую расправу с бывшим лидером легальных марксистов? Ленин ответил: «А его и надо убить!» Впрочем, Тахтарев смягчает неприятное впечатление от реплики замечанием, что вряд ли вождь сказал это обдуманно, а не в запальчивости. Далее они встречались неоднократно — на лекциях в Высшей школе общественных наук в Париже, на двух съездах РСДРП в Лондоне и Женеве. Полный раскол среди русских социал-демократов, интриги, борьба за власть и идейное руководство в каждом крыле оставили в Тахтареве очень тяжелое чувство. По его мнению, Ленин переносил эту борьбу с наружным спокойствием, но на деле был потрясен случившимся, которого он, скорее всего, не ожидал. «В конце концов, — писал Тахтарев, — и его железные нервы не выдержали, и он заболел нервным расстройством» [13]. Тахтарев после случившегося целиком ушел в научную и преподавательскую деятельность, а Ленин подключился к новому витку борьбы, который закончился созданием Российской коммунистической партии большевиков и захватом власти в октябре 1917 г. «Единоначалие, высшее руководство революционным движением, хотя и с невознагражденными жертвами, было, наконец, осуществлено» — такими словами Тахтарев заканчивает одно из своих воспоминаний.

И вот этого ему простить не могли. В печати мелькнула идеологическая оценка его воспоминаний — «профессор оппозиции о Ленине». Он был, конечно, профессором, но ни к какой партийной оппозиции не принадлежал. Однако надвигались репрессии над оппозицией всех видов, и он, скорее всего, был обречен, но его судьба сложилась иначе, хотя не менее драматично: среди многочисленных жертв эпидемии брюшного тифа 1925 г. числится и его имя.

Литература

1. Голосенко И.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX–XX вв. М.: Онега, 1995.
2. Кареев Н. Основы русской социологии. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996.
3. Тахтарев К.М. Основные идеи социологов: Конт и Маркс // Современный мир. 1914. № 9.
4. Тахтарев К.М. Социология, ее краткая история, научное значение, основные задачи, система и методы. Пг.: Кооперация, 1918.
5. Тахтарев К.М. Наука об общественной жизни, ее явлениях, их соотношениях и закономерности: Опыт изучения общественной жизни и построения социологии. Пг.: Кооперация, 1919.

* Тихомиров Л.А. (1850–1923) в молодости примыкал к народничеству, редактировал вместе с П. Лавровым в 1883–1886 годы «Вестник народной воли». Впоследствии стал ренегатом и ярким монархистом. Старые друзья по партии величали его не иначе как «прохвост».

6. Ортодокс (Л.И. Аксельрод). Рецензия на книгу Тахтарева К.М. «Социология как наука о закономерности общественной жизни» // Дело. 1916. № 9–10.
7. Майр Г. Закономерность в общественной жизни. М.: С. Скимунт, 1898. Т. 1.
8. Котельников А. Наука ли статистика и каково ее содержание? // Вестник знания. 1904. № 7.
9. Тахтарев К.М. Чем должна быть социология? // Современный мир. 1911. № 8.
10. Тахтарев К.М. Социология как наука о закономерности общественной жизни. (Введение в общий курс социологии). Пг.: Жизнь и знание, 1916.
11. Кареев Н. Социология г. Тахтарева // Русское богатство. 1917. № 4–5.
12. Архив Санкт-Петербургского государственного университета. Дело № 124/52.
13. Тахтарев К.М.: 1) Ленин и социал-демократическое движение (по личным воспоминаниям) // Былое. 1924, № 24; 2) О Владимире Ильиче // Об Ильиче. Сб. статей. А.: Прибой, 1924.